

Светлый Ангел Рождества

6300
Ольга Першина

Светлый Ангел Рождества

Художник
Ольга Хорошавина

Москва

2005

Приход храма Святого Духа сошествия

СНЕЖНАЯ ЕЛКА

«Р

ожество! Скоро Рождество!» — медленно повторяла Варя, заканчивая уборку своей комнаты.

Она выглянула в окошко — на фоне голубого, чистого неба огромные белые сугробы. Дома тоже всё блестит чистотой, и как-то по-особенному тихо.

— Варенька, — позвал её папа, Евгений Алексеевич, — мы с дядей Мишей за ёлкой съездим, а ты, пожалуйста, присмотри за Федей.

— Присмотрю, папа, поезжай и не волнуйся.

— Я тоже за ёлкой хочу, — захныкал маленький Федя.

— Да куда тебе за ёлкой, Феденька, ехать далеко, устанешь, побудь лучше с Варей. Поиграете, пообедаете, а я и вернусь.

— Я тоже за ёлкой хочу, — не унимался Федя.

Входная дверь захлопнулась, малыш уселся на пол и громко заплакал. «Я тоже за ёлкой хочу, я тоже за ёлкой хочу», — повторял он без остановки.

— Варя! Варя! — слышались голоса с улицы.

Варя опять выглянула в окно. Во дворе стояли её друзья.

— Гулять выйдешь?

Она открыла форточку и, высунув голову, крикнула:

— Выйду! Федю быстро одену и выйду!

— Что ты надулся, как шарик, — сказала она, подходя к брату. — Гулять пойдём? Ну и надоел же ты мне, плакса, — продолжала она, ловко одевая брата, — сделаем мы тебе ёлку, прямо во дворе сделаем, только не плачь! Она взяла брата за руку, и они пошли на улицу.

Во дворе она вполголоса что-то объяснила своим друзьям, которые все, как один, дружно закивали головами.

— Ты лепи снеговика, — сказала Варя брату, — а мы тебе сюрприз приготовим.

— А что такое сюрприз? — спросил почти совсем успокоившийся Федя.

— Сюрприз — это что-то неожиданное, сам увидишь.

Она показала Феде, как катать снег, и он, громко пыхтя, принялся за дело.

Ребята тоже взялись за работу. Они быстро слепили широкую и довольно высокую башенку, а затем, вооружившись палочками, как скульпторы, стали осторожно выбивать треугольники, напоминавшие еловые ветви.

— Стоп! — сказал Петя, Варин сосед, — на ёлке не хватает самого главного.

— Я знаю чего, — подхватила Иришка, подруга Вари, — не хватает Вифлеемской звезды! Нужен плотный картон, и он у меня есть. Подождите минутку.

Иришка побежала домой, быстро вырезала из золотистого картона восьмиконечную Вифлеемскую звезду и, захватив из ко-

робки с ёлочными украшениями нитку золотистого дождя, вернулась назад.

Ребята укрепили на вершине ёлки звезду, накинули на ветви украшение.

— Ну вот, теперь полный порядок! — деловито произнёс Петя. — Федя! Ёлка твоя готова! — крикнул он.

Запыхавшийся Федя подбежал к ребятам.

— Это сюрприз? — удивлённо спросил он.

— Конечно! Не видишь, что ли? Это — снежная ёлка! Специально для тебя сделали! Нравится тебе?

— Очень нравится! — Федя засеменил вокруг ёлки и вновь остановился, восторженно на неё глядя.

К дому подъехала машина. В её кузове была укреплена большущая пушистая ёлка. Евгений Алексеевич, который вышел из машины и увидел Федю, позвал:

— Феденька, беги скорее, мы ёлку привезли!

Но Федя не слышал своего папу. Он любовался необыкновенной белоснежной красавицей. Словно хрустальная, она искрилась и переливалась в солнечных лучах, и счастливая улыбка не сходила с его радостного, покрасневшего от мороза лица.

НИКОЛКИНА МЕЧТА

У Коли Елизарова была мечта. Была она не совсем обычной — мечталось ему побывать в далёкой Москве на Рождественской Патриаршей ёлке. Он знал, что проводятся они ежегодно, и как-то по телевизору посмотрел репортаж об этом замечательном событии. Видел счастливые лица детей, которые приезжают со всей страны, видел и самого Святейшего Патриарха в праздничном облачении. Коля особенно тепло относился к Патриарху ещё и потому, что Святейшего Патриарха зовут Алексием, так же, как и его, Коли, папу, который был военным и несколько лет назад погиб при исполнении служебных обязанностей. Мама Коли тоже рано ушла из жизни, так что, кроме бабушки, Пелагии Ивановны, у Коли никого не было.

Очень часто по ночам Коля просыпался и видел, как бабушка стояла у иконы Николая Чудотворца, молилась и плакала, губы её шептали, о чём-то тихо прося. Когда же бабушка ложилась и, перекрестившись, засыпала, горячо молиться начинал Коля. Молился он за Патриарха, за Пелагию Ивановну, за учителей и друзей, и просил Николая Чудотворца помочь ему поехать в Москву, на Рождество, на ёлку.

Коля любил своё Ракитское. Село небольшое, но красивое, особенно зимой. Под прозрачным льдом — замёрзшая река, а по берегам — причудливые, покрытые снегом, словно серебром, деревья. И вокруг всё белым-бело, снег и на крышах домов, и на полях.

Колю в селе тоже любили. Роста он был чуть выше среднего, не богатырского, но очень крепкого сложения. А за его необыкновенный миролюбивый нрав звали его — Николка Мирный. Имел он особый дар всех мирить и драчунов разнимать. Подойдёт и беззлобно скажет: «На доброе дело вас не нашлось, а к дурному прилипли, как магнит к железке!» — и заулыбается, а в его огромных голубых, добрых глазах весёлые

огоньки запляшут. Задирам вроде уже и самим смешно, что руками, как ветряными мельницами машут. Глядишь, помирятся и тихонько разойдутся.

Особенно не любил Коля, когда старшие младших обижают. Подойдёт, забияку за ухо возьмёт и скажет: «Не обижай маленьких! Петушком-кукарекой станешь!» — а сам смеётся, и малыши смеются, а обидчику от стыда хоть сквозь землю провалиться хочется. В школе тоже знали об этой способности Коли, и даже учителя обращались к нему за помощью.

Был у Коли ещё один дар от Бога. С детства он прекрасно рисовал. Владимир Андреевич, школьный учитель рисования и преподаватель иконописного класса Воскресной школы, куда ходил Коля, хотел видеть своего любимого ученика студентом Художественной Академии. «И как знать, — думал он, — может быть, художник Николай Елизаров родное Ракитское прославит, а то и всю Россию».

Владимир Андреевич любил и Колю, и его бабушку. Приходил к ним домой. Пелагии Ивановне он помогал по хозяйству, а с Колей дополнительно занимался. Вместе ходили на этюды, по книгам изучали картины русских и зарубежных мастеров.

В самом конце ноября Владимир Андреевич подошёл к Коле: «Николай, зайди ко мне в кабинет, разговор к тебе есть!»

На ближайшей большой перемене Коля поступался в кабинет рисования и черчения.

— Сегодня с утра, — сказал Владимир Андреевич, — я прочитал в одной православной газете о проведении Всероссийского конкурса на лучший Рождественский рисунок. Победители поедут в Москву, на Рождественскую Патриаршую ёлку. В России, конечно, очень много талантливых детей, шансов победить мало, но есть, так что попробовать надо! Рисунок нужно будет выслать через несколько дней, а то к сроку не успеешь. Что скажешь?

— Спасибо, Владимир Андреевич! Я обязательно попробую, вернее, буду делать,

вернее, рисунок обязательно сделаю,— говорил разволнованный Коля.

— Не волнуйся! Сделаешь! И сделаешь хорошо! Техника любая, но лучше акварель или гуашь — вот, прочитаешь, здесь всё написано, и адрес есть, куда работу нужно выслать. Да, рисунки возвращают, так что если в Москве не подойдёт, то работа твоя украсит нашу Рождественскую выставку в Воскресной школе. Желаю успеха, Николай! — и он крепко пожал Колину руку.

Домой Коля летел, как на крыльях. Даже бабушка заметила его радостное волнение.

— Ты здоров ли, Николенька?

— Здоров! Чувствую себя отлично! Дело одно важное сделать надо.

— Доброе дело-то?

— Ещё какое, бабушка, потом расскажу!

— На дело-то своё у Господа благословеньце испроси!

— Испрошу, бабушка, обязательно испрошу!

Пообедав, Коля прочитал, как всегда, молитвы после вкушения пищи, а затем молитву перед началом всякого дела и сел за свой письменный стол. Он глубоко задумался, потом, осенив себя крестным знамением, принялся за рисунок. В центре он изобразил пещеру, где родился Богомладенец Христос, Ангела, стоящего рядом со входом в Святой Вертеп, на небе — большую яркую Вифлеемскую звезду. А со всех четырёх сторон Земли поклониться Христу идут дети: русские и украинские, молдавские и белорусские, сербские и болгарские. Дети идут из Греции и из Австралии, из Африки и из Японии, все они одеты в свои национальные костюмы, и у каждого в руках цветы: розы и лилии, цветы полевые и экзотические, а у кого-то просто веточки, еловые и пальмовые. Дети идут нескончаемым потоком с Севера и Юга, с Востока и Запада. Коля так и назвал свой рисунок — «Рождество на всей Земле».

На следующий день он показал рисунок Владимиру Андреевичу, который, увидев его, сказал: «Очень и очень талантливо! Молодец, Николай! — достал из рабочего стола большой плотный конверт, а из кармана деньги. — Вот конверт и деньги на почтовые расходы. Пошли заказным, и свой адрес точный не забудь указать».

Коля в тот же день выслал рисунок, а квитанцию положил под подушку. Бабушке он так ничего и не сказал.

19 декабря в дверь Пелагии Ивановны постучал Максим, почтальон:

— Пелагия Ивановна! Николке вашему от Святейшего Патриарха письмо пришло!

— Какое письмо, Максимушка? — говорила Пелагия Ивановна, открывая дверь.

— Вот письмо. Николаю Елизарову из канцелярии Святейшего Патриарха Всея Руси Алексия II. С уведомлением. Распишитесь.

— Господи! Может, он что-нибудь натворил? — руки Пелагии Ивановны задрожали.

— Да что вы, Пелагия Ивановна, Николка — парень отличный, худого ничего не сделает!

— Да вот и я так думаю. Николенька мой мухи не обидит.

Что ж там такое в письме-то? Хоть бы он поскорее из школы пришёл!

Пелагия Ивановна расписалась в книге Максима о получении письма, а потом пошла на кухню. Хотя день Ангела у Коли был на Николу Вешнего, на Николу Зимнего она всегда пекла постный брусничный пирог, который был готов как раз к Колиному приходу.

Хлопнула входная дверь.

— Николенька! Письмо тебе из Москвы! От самого Патриарха Святейшего! Ты, что же, знаешь его?

— Да что ты, бабушка, откуда же мне Святейшего Патриарха знать? Рисунок я сделал Рождественский, на конкурс; наверное, он не понравился, и обратно прислали.

Коля аккуратно открыл конверт и прочитал следующее:

«Дорогой Николай!

Благодарим тебя за участие во Всероссийском конкурсе на лучший Рождественский рисунок. Твой рисунок «Рождество на всей Земле» занял первое место. Имеем честь пригласить тебя на празднование Рождества Христова в Москву с посещением Рождественской Патриаршей ёлки. Все организационные детали твоей поездки прилагаются».

— Что же тебя, Николенька, в Москву приглашают?

— Приглашают, бабушка.

Бабушка села на стул и заплакала.

— Радоваться надо, а ты плачешь! — Коля подошёл и обнял Пелагию Ивановну.

— Я от радости и плачу. Ты Николаю-то Чудотворцу поклонись! Это же по молитвам Заступника нашего Небесного чудо такое, да ещё и в Николин день!

— А какое сегодня число, бабушка?

— Девятнадцатое.

— А я чуть не забыл! И пирог брусничный есть?

— Как же без пирога, Николенька, ждёт тебя пирог, на кухне остывает!

Коля встал на колени и, глядя на образ Николая Чудотворца, с благодарностью поклонился.

Ведь только он, Николай Чудотворец, и знал о казавшейся несбыточной Николкиной мечте!

СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ РОЖДЕСТВА

*Посвящается Святой Преподобномученице
Великой Княгине Елисавете Феодоровне*

Н

аступало Рождество 1917 года.

Государственная власть была захвачена большевиками. Ложь, предательство и ненависть, как страшный смерч, неслись по стране, разрушая всё на своём пути.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Настоятельница Марфо-Мариинской Обители Милосердия, одна из немногих понимавшая всю глубину трагедии России, не потеряла самообладания и мужественно продолжала свое служение.

— Ваше Высочество, благословите! — говорила одна из сестер Обители, обращаясь к Елисавете Феодоровне.

— Что у тебя, Ниночка?

— К нам женщину привезли, больную туберкулезом. При ней двое малолетних детей.

— Как ее зовут?

THE END

— Вера.

— Срочно определите ее в нашу больницу. Если нет койки, пусть подставную поставят. Имена детей узнали?

— Да, Зина и Вася.

— Хорошо. Детей накормить, вымыть, одеть, — быстро отдавала распоряжения Елисавета Феодоровна.

— Благословите идти!

— Иди, Ниночка. На вечернем дежурстве увидимся, а к детям я пойду, как только будет свободная минута.

Нина ушла. Елисавета Феодоровна посмотрела на большие настенные часы. Они показывали полдень. До Рождества оставалось всего несколько часов, несколько драгоценных часов.

— Вера, как вы себя чувствуете?

Больная открыла глаза.

Перед ней стояла высокая женщина в длинном светло-сером платье, с крестом на груди. Ее красивое лицо обрамлял белый апостольник.

— Где я?

— Вы в Марфо-Мариинской Обители, в больнице. Как вы себя чувствуете, Вера? — женщина села на стул рядом с кроватью.

— Спасибо, мне лучше, не знаю, как Вас величать?

— Елисавета. Я дежурная сестра. Пить хотите?

— Хочу, мне очень жарко.

Елисавета Феодоровна осторожно приподняла голову больной и напоила ее.

— Какой сегодня день, сестра Елисавета?

— Сегодня Рождественский Сочельник.

— Рождественский Сочельник, а я так больна! Что будет с моими бедными детьми! — Вера беззвучно заплакала.

— Бог Милостив, Верочка, поправитесь, а детей к вам приведут, как только сможете их видеть.

— Детей уже приводили. Оба радостные — и Васенька, и Зиночка. Сказали,

что к ним приходила Матушка Настоятельница, принесла гостинцев: конфет и пряников. Водила ёлку Рождественскую смотреть и разрешила взять с ёлочки игрушки, какая кому понравится. Зиночка колокольчик серебряный выбрала, а Васенька ангелочка с крылышками, бумажного. Матушку тоже Елисавета зовут, как Вас.

— Вот и хорошо, что детей приводили. Сейчас я вас покормлю, а потом вы постарайтесь заснуть. Сон вас укрепит.

— Нет, нет, только не уходите, — Вера с трудом приподнялась и дотронулась до руки Елисаветы Феодоровны, — когда Вы рядом сидите, мне легче.

— Посижу, Верочка, а вы постарайтесь заснуть.

Только когда дыхание Веры выровнялось и она заснула, Елисавета Феодоровна неслышно встала и пошла к себе. Переоблачившись в белое форменное платье, существовавшее для праздничных дней, она пошла в Покровский храм, где уже началась Рождественская служба.

Служба подходила к концу.

К Елисавете Феодоровне подошла Нина и тихонько сообщила:

— Ваше Высочество, у Веры, новенькой, опять сильный жар начался, мечется, просит Матушку Настоятельница прийти!

— Сейчас приду.

Вера лежала с закрытыми глазами, лицо ее горело от высокой температуры. Она, казалось, бредила, все время повторяя: «Матушка Елисавета! Матушка Елисавета!»

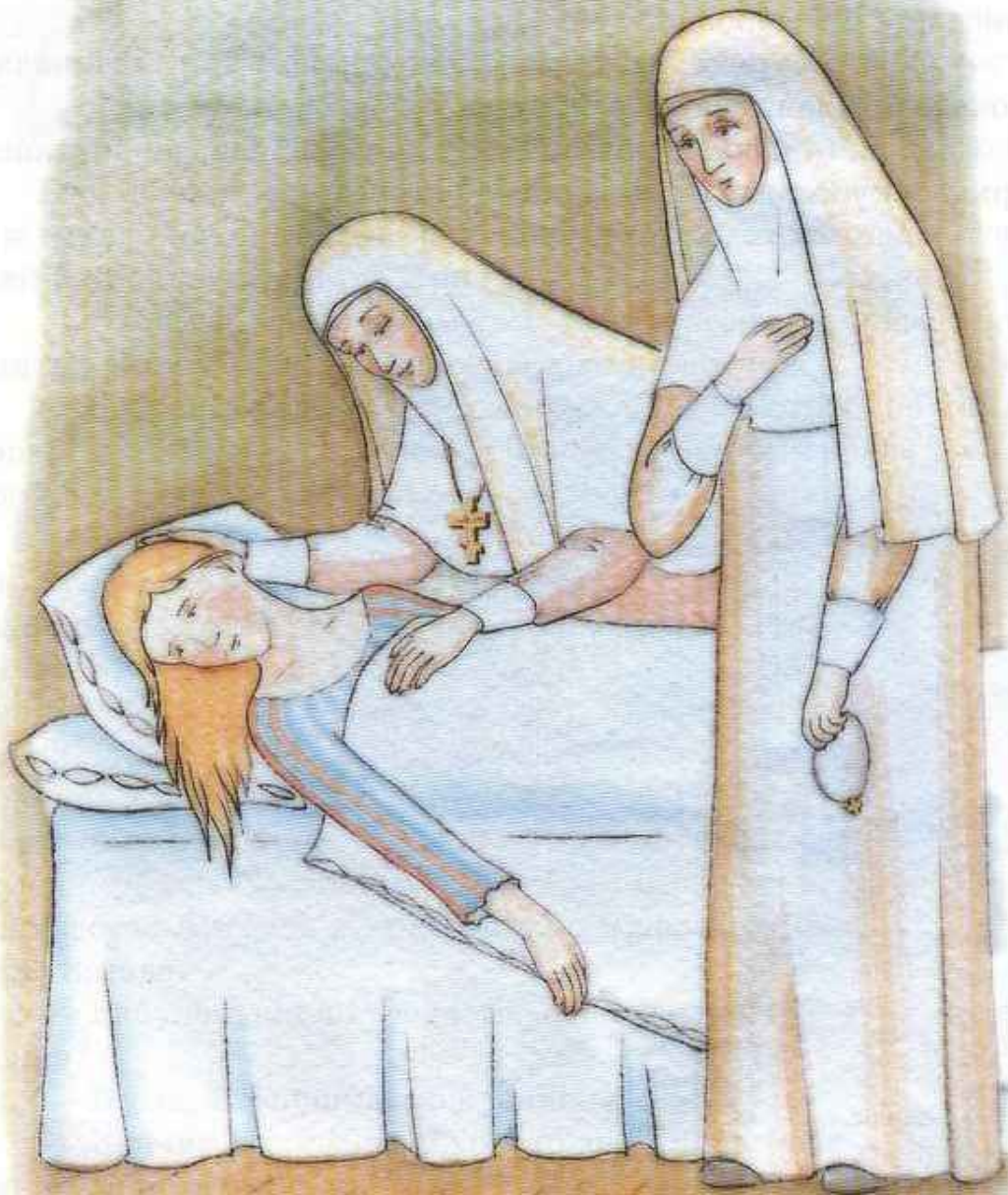
— Верочка!

Услышав голос Елисаветы Феодоровны, Вера встрепенулась и, протягивая к ней свои исхудавшие руки, торопясь, заговорила:

— Я поняла! Это Вы — Матушка Настоятельница! Кроме Вас, у моих детей никого на этом свете не остаётся!

— Верочка, не волнуйтесь! Зиночку к себе в приют возьмем, и Васеньке хорошее

место подберем. — Матушка обняла Веру и взяла ее руку, сев рядом.

От присутствия Елисаветы Феодоровны Вера снова стала успокаиваться.

— С Рождеством Христовым, Верочка! — тихо сказала Елисавета Феодоровна.

— С Рождеством Христовым, Матушка! — Вера открыла и вновь закрыла глаза, засыпая.

Елисавета Феодоровна по-прежнему сидела, не двигаясь, держа руку Веры в своих руках.

ПОДАРОК МЛАДЕНЦУ ХРИСТУ

— **Б**абуленька, ты не спишь? — Егор тихонько постучал в дверь бабушкиной комнаты.

— Не сплю, Егорушка, заходи, милый, заходи.

Егор вошел. В комнате бабушки было светло от белой накрахмаленной скатерти, лежащей на столе, от лампы, горящей у иконы Рождества Христова.

— Ох, Егорушка, щёки-то у тебя совсем пунцовые, поди опять у компьютера иль тивизора промаялся?

— Бабуленька, не у компьютера, а у компьютера, не у тивизора, а у телевизора, я уже сколько раз учил тебя правильно говорить эти слова. Ты, бабуленька, у нас совсем не современная.

— Да куда уж мне, Егорушка, за вами, молодыми, угнаться! — она перекрестилась, глядя на большую икону Рождества Христова.

Егор особенно любил эту бабушкину икону. На ней был изображён Богомладенец, лежащий в пеленах на соломе, рядом сидела Пресвятая Богородица, а с другой стороны — Святой Иосиф Обручник. Вокруг, заглядывая в ясли, стояли беленькие ягнята, ослик и бычок. В небе — множество Ангелов и яркая-яркая Вифлеемская Звезда.

— Бабуленька, а Рождество означает рождение?

— Ну да, Егорушка, рождение.

— Значит, Рождество Христово — День Рождения Христа?

— Получается, что так.

— Бабуленька, а ведь на день рождения подарки дарят, верно?

— Верно, Егорушка.

— А Христу подарки дарят?

— Не знаю, Егорушка. Волхвы с дарами приходили, это я знаю, а чтобы подарки... не знаю, Егорушка, не скажу.

— Бабуленька, а давай мы что-нибудь Христу подарим?

— Что же мы Ему подарим, милый мой? — бабушка заулыбалась.

— Я пока тоже не знаю. Пойду с Настей посоветуюсь. Подожди, бабуленька, я скоро вернусь.

Егор постучал в комнату сестры.

— Настя! Настя! Дело есть.

Дверь открылась и выглянула Настя.

— Срочное?

— Срочное!

— Сейчас приду.

Через несколько минут Настя пришла в комнату брата.

— Проблемы?

— Да нет, всё хорошо. Давай Христу подарок на Рождество преподнесём.

— Христу? На Рождество? Здорово ты, Егорик, придумал, а то подарки всё нам, а мы — ничего. Что же лучше всего подарить?

— Подумать надо. Может быть, машинку? У меня машинок много.

Егор внимательно оглядел свою комнату.

— Нет, машинки маленьким не нужны, — уверенно сказала Настя.

— Ты права! Может, цветные карандаши?

— Скажешь тоже, маленькие рисовать не умеют. А вот моего дельфинёнка можем подарить.

— А вдруг дельфинёнок уже есть? — засомневался Егор.

— Правда, вдруг уже есть, — согласилась Настя, и они опять задумались.

В соседней комнате заплакал Ваня, младший брат Егора и Насти.

— Настя, дай Ванечке соску! Я не могу от плиты отойти, — раздался мамин голос из кухни.

Настя пошла в спальню брата, дала ему пустышку, поправила одеяльце и немного покачала его кроватку, которая была сделана в форме старинной колыбельки, с округлёнными спинками.

— Егорик, — радостно сказала Настя, вернувшись, — надо колыбельку подарить! Ведь Младенцу Христу так больно лежать на соломе! Она же колется!

— Ещё как колется!

Егор и Настя каждое лето ездили в деревню, где любили строить и играть в соломенных шалашах.

— Молодец ты у меня, Настёна! Я сделаю колыбельку из фанеры, а ты сошьёшь одеяльце, подушечку и тюфячок! Идёт?

— Конечно, у меня и нитки, и иголки есть, и кружево. И куски красивых тканей есть, мне мама отдаёт, ты же знаешь, а для тюфячка кусочек мягкого поролона тоже найдётся. Я сейчас быстро всё раскрою и сошью.

Договорившись о размерах колыбельки, Настя побежала к себе, а Егор зашёл в кабинет отца.

— Пап, мне фанера нужна.

— Что-нибудь дельное мастерить будешь?

— Да, кое-что в подарок.

— Хорошо, ключ от мастерской на кухне, за шкафом, мама тебе покажет.

Егор открыл мастерскую отца. На полках были аккуратно разложены инструменты, а в углу стоял большой ящик с рейками и дощечками. Егор выбрал два куска плотной фанеры. Сделав необходимые расчёты и разметку карандашом, он вырезал детали лобзиком. Потом маленькими гвоздиками скотил их. У себя в комнате голубым фломастером он раскрасил стенки колыбельки и пошёл к Насте.

Настя тоже заканчивала работу: одеяльце, подушечка и тюфячок были сделаны из тёмно-синего ситца с крошечными золотыми звёздочками. Подушечка и одеяльце были оторочены кружевом.

— Красота! — восхищенно сказал Егор.

Faint, illegible text is visible at the top and bottom of the page, likely bleed-through from the reverse side of the paper.

— И всё как раз в пору, — обрадовалась Настя.
Дети отправились к бабушке. Егор тихонько постучал.
— Егорушка, ты?
— Бабуленька, это мы с Настей.

Бабушка открыла дверь. Дети вошли и поставили на стол колыбельку.

— Господи, что же это за чудо-колыбелька такая?

— Это мы в подарок Христу сделали, на Рождество, ведь на соломе Ему так больно!

— Это, что же, вы, мои золотые сердечки, Христа пожалели, колыбельку Ему сделали, чтобы не больно было?

— Да, бабуленька!

— Вот каких заботливых внучков мне Бог послал! — она ласково поцеловала их.

Взяв колыбельку, бабушка поставила её на полку рядом с иконой Рождества Христова. В свете лампадки колыбелька выглядела особенно трогательно и красиво.

— Ну вот, и у меня всё готово, — в комнату бабушки вошла мама, можно на стол накрывать, скоро Первая Звезда появится! Помогать будете?

— Будем! — дружно ответили дети и пошли с мамой на кухню.

Всё в доме Егора и Насти было готово к Великому Празднику, даже маленький подарок, подарок — Младенцу Христу.

ЛЕСНОЕ РОЖДЕСТВО

(Сказка для малышей)

Далеко-далеко, в дремучем лесу жил да был лесник — дедушка Онисим. Был он очень добрым и любил зверей и птиц. За его доброту и помощь лесные звери и птицы научили дедушку Онисима говорить на своих языках: птицы — по-птичьи, медведи — по-медвежьи, лисицы — по-лисьи, волки — по-волчьи, а его домашние овцы — по-овечьи. Так и жили дедушка Онисим и его лесные друзья в мире и согласии.

Жизнь в лесу непростая, тяжелая, так что много трудились лесные обитатели: и корм добыть надо, и впрок на зиму запасы нужны, и гнезда да норы укрепить надо — хлопотали с утра до вечера, и с вечера до самого утра.

Были ли в лесу праздники? Были, и самым любимым из них был, конечно, праздник Рождества Христова. Все готовились к нему — прибирали свои жилища, и даже самый главный лесной медведь Михайло Михалыч Топтыга, боясь проспать, ставил в своей берлоге огромный будильник, который трезвонил на весь лес и будил его и всё его семейство на несколько праздничных дней от зимней спячки.

Малыши тоже ждали праздника, так как в замечательный вечер Рождественского Сочельника всегда ходили к дедушке Онисиму в гости. Вот как это было и на сей раз.

Вечером, часов в шесть, как только на небе появилась Первая Звезда, в окошко дома дедушки Онисима раздался лёгкий стук — это родители-снегири принесли своего сына Красногрудика. Дедушка Онисим, открыв окно и осторожно взяв

снегирёнка, уложил его в уже приготовленное тёплое гнездышко, прямо в центре стола, чтобы ему всё хорошо было видно и слышно. Затем стук в дверь — это папа привёл медвежонка Топтыжку, снова стук — мама-лиса с дочкой Лизонькой, за ними привели и волчонка Серохвостика, и бельчонка Пушистика. Все нарядно одеты: медвежонок в тёмно-коричневых вельветовых брючках и белом свитерке, волчонок в сером костюмчике и белой рубашечке, Лизонька в длинном жёлтом вязаном платье, а бельчонок в светло-коричневом комбинезончике с золотистыми пряжками.

Гости сели на высокие стульчики вокруг праздничного стола, на котором стояли угощения: мёд, орехи, изюм, морковный сок, пирожки с капустой и картошкой, и большой пирог с малиновым вареньем к чаю.

Дедушка Онисим потчует своих юных гостей, они едят с большим аппетитом — ведь всё так вкусно, а потом дедушка обязательно расскажет любимую историю!

После еды, убрав всё со стола, малыши окружили дедушку Онисима.

— Дедушка! Расскажи нам Рождественскую историю! — на все голоса просили они.

— Да вы уже знаете её наизусть, каждый год вам её рассказываю!

— Нет, дедушка, мы забыли, расскажи снова, ну, пожалуйста!

— Что с вами поделаешь, садитесь удобнее, так и быть, расскажу.

Малыши расселись у ног дедушки Онисима, а Красногрудика он взял в свои ладони и начал свой рассказ.

— «Историю эту поведала мне одна старая-старая овечка.

— Род наш древний, — говорила она, — так что слова моей пра-пра-пра-пра... — тут она помолчала, стараясь сосчитать степень своего родства, — моей прабабушки-овечки передавались из уст в уста, из поколения в поколение.

— Я, ещё будучи ягнёнком, — вспоминала она, — жила в далёкой, тёплой стране Палестине, в небольшом городе Вифлееме, при злом царе Ироде. Да этого горя, видно, мало было. Захватили страну римляне и обижали жителей, забирая у них последнее, а чтобы было легче обманывать их и облагать непосильными налогами, решил римский правитель, кесарь Август, провести перепись населения. Для этого каждый должен был пойти в ту местность, откуда был родом. Ожидалось и в Вифлееме много людей. Обо всём этом говорили между собою пастухи, когда мы паслись на поле рядом с городом. Были они в сильной тревоге за наше большое стадо, так что каждый вечер нас, маленьких овечек, уводили в дальнюю пещеру, где мы были в безопасности, а в кормушке-яслях оставляли для нас вдоволь свежего, душистого сена.

Как-то поздно вечером у пещеры остановились путники: пожилой человек и Молодая Женщина, сидящая на ослике. Было видно, что они очень утомлены после долгого пути.

— Мария, — тихо сказал старец, обращаясь к Женщине, — кажется, в этом вертепе есть свободное место, давай останемся здесь на ночлег, время позднее.

— Как скажешь, Иосиф, — покорно ответила ему Женщина.

Он помог Ей сойти с ослика. Взяв небольшой коврик, Иосиф вошёл и расстелил его прямо на земле, а затем пригласил войти и свою Спутницу. Как только Она вошла, пещера стала наполняться светом — сначала он был голубоватым, а потом становился всё ярче и ярче. Мы увидели, что свет этот исходил от Звезды, которая появилась прямо над входом. Это было удивительно, но самое удивительное было ещё впереди. Вдруг мы услышали дивный детский голосок. Родился Младенец! Прекрасная Женщина по имени Мария спеленала Его и положила прямо в нашу кормушку. Нам тоже разрешили подойти к яслям и взглянуть на Младенца. Он был необыкновенно красив!

С поля пришли пастухи и рассказали ещё об одном чуде: им явился Ангел Господень и сообщил о рождении Младенца, Спасителя мира, а на небе они видели ещё великое множество Ангелов, которые красиво и торжественно пели: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» Вот они и пришли взглянуть на Младенца, как велел им Ангел, и рассказали обо всём увиденном и услышанном Марии, Матери Его, и Иосифу. Слышали и мы об этом.

Что дальше было? А дальше приглянулась я одному купцу, купил он меня и привёз в эту красивую, северную страну, здесь и доживаю я свой недолгий овечий век, никогда не забывая о тех чудесных событиях детства моего.

— Вот и конец истории, — сказал дедушка Онисим малышам, которые слушали ее, затаив дыхание. — Самое время чаю попить! Лизонька, накрывай на стол.

Лизонька, надев фартучек, быстро поставила на стол чашки, блюда и чайник, а дедушка Онисим разрезал большой малиновый пирог. Попив чаю, малыши, начали клевать носами, да тут родители

начали приходить за ними и забирать их. Дедушка Онисим помогал надевать на них пушистые, тёплые шубки: на Топтыжку — тёмно-коричневую, на Серохвостика — серую, на Лизоньку — рыжую, на Пушистика — светло-коричневую. И родители, и малыши прощались и благодарили дедушку Онисима, а он каждому махал рукой на прощание и говорил:

— Приходите ещё! Не забывайте старика!

— Спасибо, дедушка Онисим! Придём, конечно, придём!

Последней прилетела мама за Красногрудиком, который уже крепко спал. Дедушка Онисим отдал его прямо в тёплом, самодельном гнёздышке: не будить же птенчика!

Дедушка Онисим остался один. Часы с кукушкой пробили ровно полночь. Вот и Рождество наступило, тихое Лесное Рождество!

КРЫЛЬЯ РОЖДЕСТВА

Наташе опять снился тот же сон. Маленькая, лет пяти-шести, она взбирается по трапу самолёта, усаживается рядом с мамой, и самолёт, гудя и слегка вибрируя, поднимается в воздух. Она пытается заглянуть в кругленькое окошко-иллюминатор, но ничего не видит, кроме большого серебристого крыла. К ней подходит ласковая, изящная стюардесса, берёт за руку и ведёт по узкому проходу между креслами прямо к кабине пилота. Дверь открывается. За штурвалом сидит её дед, который улыбается и приветливо машет ей рукой, приглашая войти. Она входит и смотрит вперёд — за стеклом кабины только огромное, тёмное, таинственное небо и звёзды, от близости которых замирает сердце...

Наташа проснулась. В спальне тихо, а за окном медленно кружится снег... Через несколько дней Рождество, и она поедет домой, но вместе с радостью на душе у неё сильная тревога. «Что будет с мамой, когда она узнает правду? Вдруг заболит? Всегда дорогая мамочка поддерживала меня. Что же будет теперь? Господи, помоги!»

Наташа всегда прекрасно училась, школу закончила с золотой медалью. Затем — Московский Университет, аспирантура, работа над кандидатской диссертацией. Всё, казалось, шло гладко и хорошо, и только этот детский сон не давал ей покоя: она видела его снова, и снова, и снова.

На вокзале Наташу встречали старший брат и две младшие сестры. Объятия, вопросы:

- Как дела?
- Хорошо, а у тебя?
- Хорошо!
- Как мамочка?
- Ждёт не дожждётся тебя!

Всё вокруг родное, каждый камушек. Наташа смотрит из окон автобуса.

Вот сейчас за поворотом будет виден храм, а рядом их дом. Автобус остановился. Какой чистый и свежий воздух!

Наташа тихонько открыла дверь и вошла в дом.

— Мамочка!

— Наташенька! — Нина Александровна крепко обняла дочь. — Как хорошо, что ты приехала. Мы так по тебе соскучились!

— Я тоже, мамочка! Я тоже!

— Как твои дела? Как занятия? Когда защита диссертации?

— Всё хорошо.

— Ты какая-то грустная, Наташенька. Что-нибудь случилось?

— Ничего, просто с дороги устала.

— Нет, Наташенька, дорогая, по твоим глазам вижу: что-то произошло. Сейчас расскажешь или потом?

— Потом, мамочка.

— Тогда иди поешь, отдохни, поговорить мы успеем перед началом вечерней службы.

Поев, Наташа пошла в свою комнату. Всё было, как прежде: тот же диванчик, а над ним небольшой плюшевый коврик с изображением оленят, идущих на водопой по лесной тропинке; тот же письменный стол, фотография деда, а в углу коробка с её детскими игрушками. Наташа подошла к большому старинному образу Спасителя, висевшему на стене, низко поклонилась, потом легла на свой диванчик и крепко заснула.

Вечером Нина Александровна заглянула к Наташе.

— Наташенька, зайди ко мне.

Сердце Наташи до боли сжалось.

В комнате мамы тоже было всё знакомым и родным.

Нина Александровна поправляла лампадку у иконы Рождества Христова. Увидев дочь, она спросила:

— Наташенька, что у тебя случилось?

— Мапочка, миленькая, обещай, что ты не расстроишься и не будешь меня ругать.

— Ну, во-первых, я никогда тебя не ругаю, а, во-вторых, расстроиться или нет, это не всегда от меня зависит.

— Мапочка! Я, я, — Наташа опустила голову, — я оставила аспирантуру и стала... стюардессой!

— Наташенька, ты, наверное, шутишь?

— Нет, мамочка, это правда, я прошла конкурс и стала стюардессой. Ты не думай, это было не просто, надо было серьёзное тестирование и медицинское обследование пройти. Желающих было 15 девушек, но взяли только меня.

Нина Александровна поставила икону на полку и, не в силах совладать с собой, подошла к окну. Из её глаз покатались крупные слёзы, которые падали на её руки и на подоконник

— Наташенька, доченька моя, но ведь это такая тяжёлая работа!

— Знаю, мамочка.

— И такая опасная!

— Знаю, но ничего не могу с собой поделать, я и сама не знала, как велико моё желание летать.

Прости меня, мамочка!

Нина Александровна по-прежнему стояла у окна, и слёзы катились по её щекам. «Господи, — думала она, — если это Твоя воля, а не произволение моей дочери, то дай мне знать об этом прямо сейчас! Мне так тяжело, Господи!»

Словно откуда-то издали издалека внутренний голос сказал: «Посмотри на небо!»

Нина Александровна подняла глаза и увидела небесный купол — он был огромным, необъятным, на нём мерцали далёкие, яркие звёзды. Она вдруг поняла: небо, вот что манит Наташу, небо — величественное и прекрасное!

Она подошла к полке и сняла с неё икону Рождества Христова.

— Наташенька, подойди ко мне.

Наташа подошла, и Нина Александровна трижды осенила её иконой.

— Бог даёт тебе крылья, Бог тебя и сохранит!

— Благословляешь, мамочка?

— Благословляю, Наташенька!

За окном неспешно зазвонили колокола.

— Что, пора в храм, Наташенька?

— Пора, мамочка!

Звон Рождественских колоколов звучал всё громче и громче.

КОРОБКА КОНФЕТ К РОЖДЕСТВУ

Пашка очень любил конфеты. «Кто же не любит конфет?» — спросите вы. Вы правы, конфеты любят все, но Пашка любил их особенно — шоколадные и карамельные, в ярких фантиках и без фантиков, с начинками и без начинок.

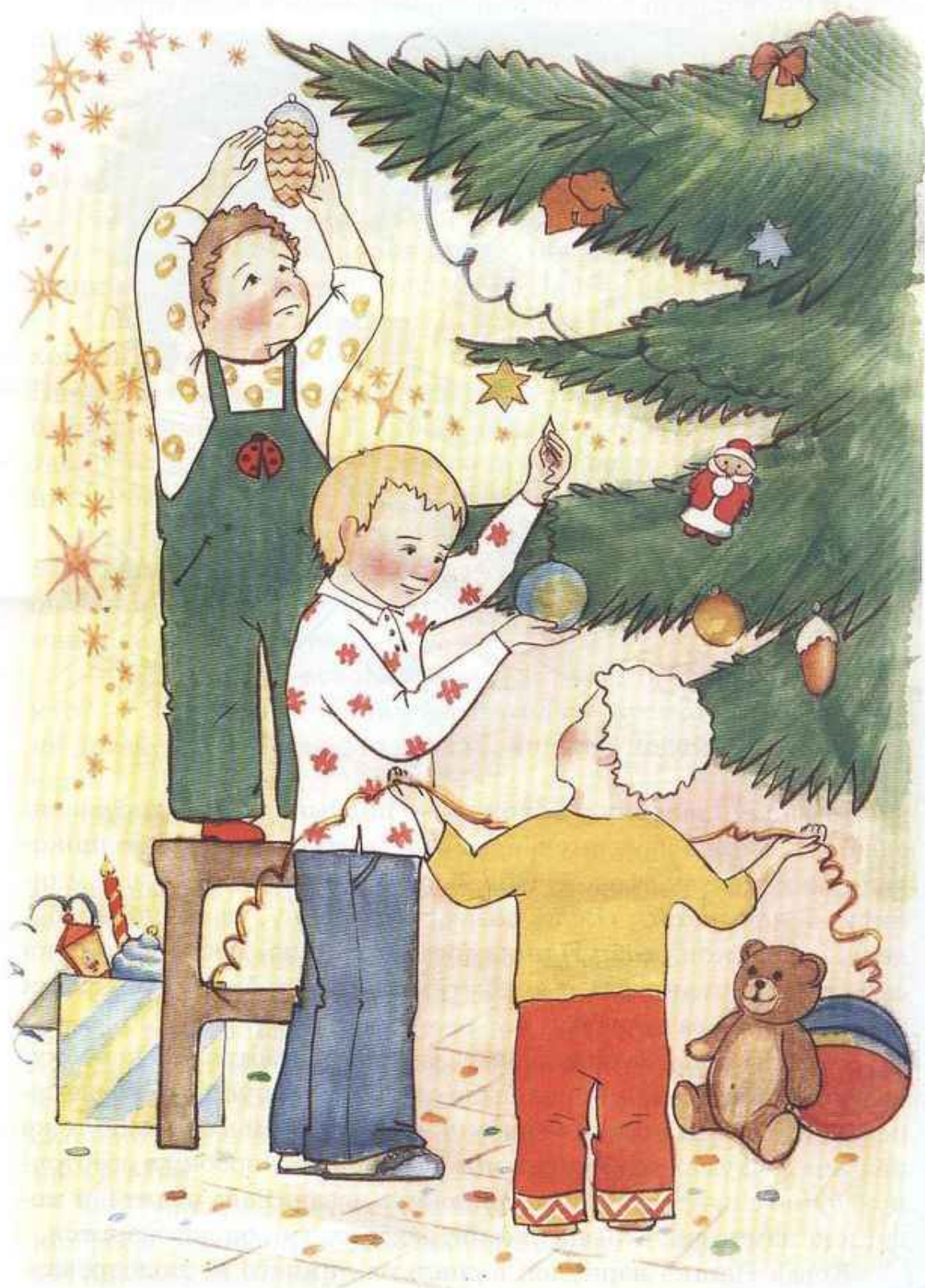
Подготовка к Рождеству Христову шла полным ходом. Родители привезли красавицу-ёлку, которую Пашка вместе со своими младшими братьями, Димкой и Толиком, тоже украшал блестящими разноцветными шарами и гирляндами.

После того, как ёлка была наряжена, родители попросили детей удалиться из гостиной комнаты. «Будут подарки раскладывать, — объяснил Пашка братьям, — а нам теперь до завтра ждать надо, до Рождества!» — и он вздохнул. Младшие братья, подражая Пашке, тоже вздохнули.

Димка и Толик уже крепко спали, а Пашке не спалось. Он думал о том, как хорошо, что есть Рождество, что есть праздничная ёлка, и ему вдруг очень захотелось взглянуть на неё ещё раз хоть одним глазком. Он встал, надел шлёпанцы и пошёл в гостиную. На ёлочке зажигались и гасли маленькие фонарики. Под ней лежали несколько пакетов с бантиками, а в центре особенно большая коробка, красиво перевязанная бантом. Пашка нагнулся и взял её, на ней было крупно написано: «Дорогим Паше, Диме и Толе от папы и мамы. С Рождеством Христовым!»

Она была довольно тяжёлой, и в ней что-то слегка загремело. «Конфеты! — мелькнуло в голове Пашки, — наверное, шоколадные!» — Он держал коробку в руках и уже хотел положить её обратно, но она как будто приросла к Пашкиным рукам. «Возьму только одну конфетку,

а потом опять заверну и положу», — подумал он, быстро развязал бант, снял обёрточную бумагу и, вытащив круглую шоколадную конфету, съел её. Она была очень вкусной — с земляничной начинкой. «Если возьму ещё одну, заметно не будет», — успокоил себя Пашка и съел вторую, после чего рука сама вновь потянулась к конфетам, и они стремительно стали исчезать одна за другой.

Вдруг Пашка остановился и с ужасом посмотрел на коробку, не веря своим глазам — она была совершенно пуста! «Что же теперь делать? Выбросить её нельзя, нести с собой в спальню тоже нельзя», — думал он. Решил опять завернуть коробку в обёрточную бумагу и, завязав бант, положить назад. Ведь родители могут и не заметить, что она пустая, а с братьями он договорится.

Когда Пашка вернулся в спальню, ничего не подозревавшие Димка и Толик всё так же сладко спали.

Утром папа и мама поздравили детей с праздником и сообщили, что после завтрака ждут их в гостиной, где будут раздавать подарки.

Есть Пашка не мог.

— Пашенька, ты совсем ничего не ешь, не заболел ли ты часом? — заботливо спросила мама.

— Всё в порядке, мама, просто есть что-то не хочется.

— Ничего, подарки получишь, обрадуешься, и аппетит хороший вернётся, — она погладила Пашку по голове.

После завтрака вся семья во главе с папой, Виктором Тихоновичем, проследовала в гостиную. Мама села в кресло, а Пашка с братьями устроился на диване. Виктор Тихонович расположился рядом с ёлкой, сев на небольшой деревянный табурет. Он взял книжку и прочитал детям о чудесном празднике Рождества Христова, ещё раз всех поздравил и сказал:

— Прежде, чем каждый из вас получит именной подарок, мы с мамой хотим подарить вам большую коробку конфет, — он наклонился и достал из-под ёлки коробку; ничего не понимая, слегка потряс её.

— Кто-то съел все конфеты. Хотелось бы знать кто? — Виктор Тихонович внимательно посмотрел на детей. — Тот, кто это сделал, должен подойти к ёлке.

Дети молчали.

— Что же, если виноватого нет, то виноваты и наказаны будут все: Рождественских подарков никто не получит.

Димка и Толик громко-громко заревели.

Сердце Пашки готово было вырваться из груди, так сильно оно билось от волнения и стыда. Он хотел встать, но не мог сдвинуться с места. Какая-то сила придавила его к дивану, несколько минут он боролся с ней, а затем встал и пошёл к ёлке.

— Папа и мама, простите меня, это я съел все конфеты, только не наказывайте Димку и Толика, они не виноваты.

Родители переглянулись.

Папа сказал:

— Мы с мамой, конечно, простим тебя, но конфеты были для тебя и твоих братьев, так что прощения нужно у них просить. Дима и Толя, Пашу простите?

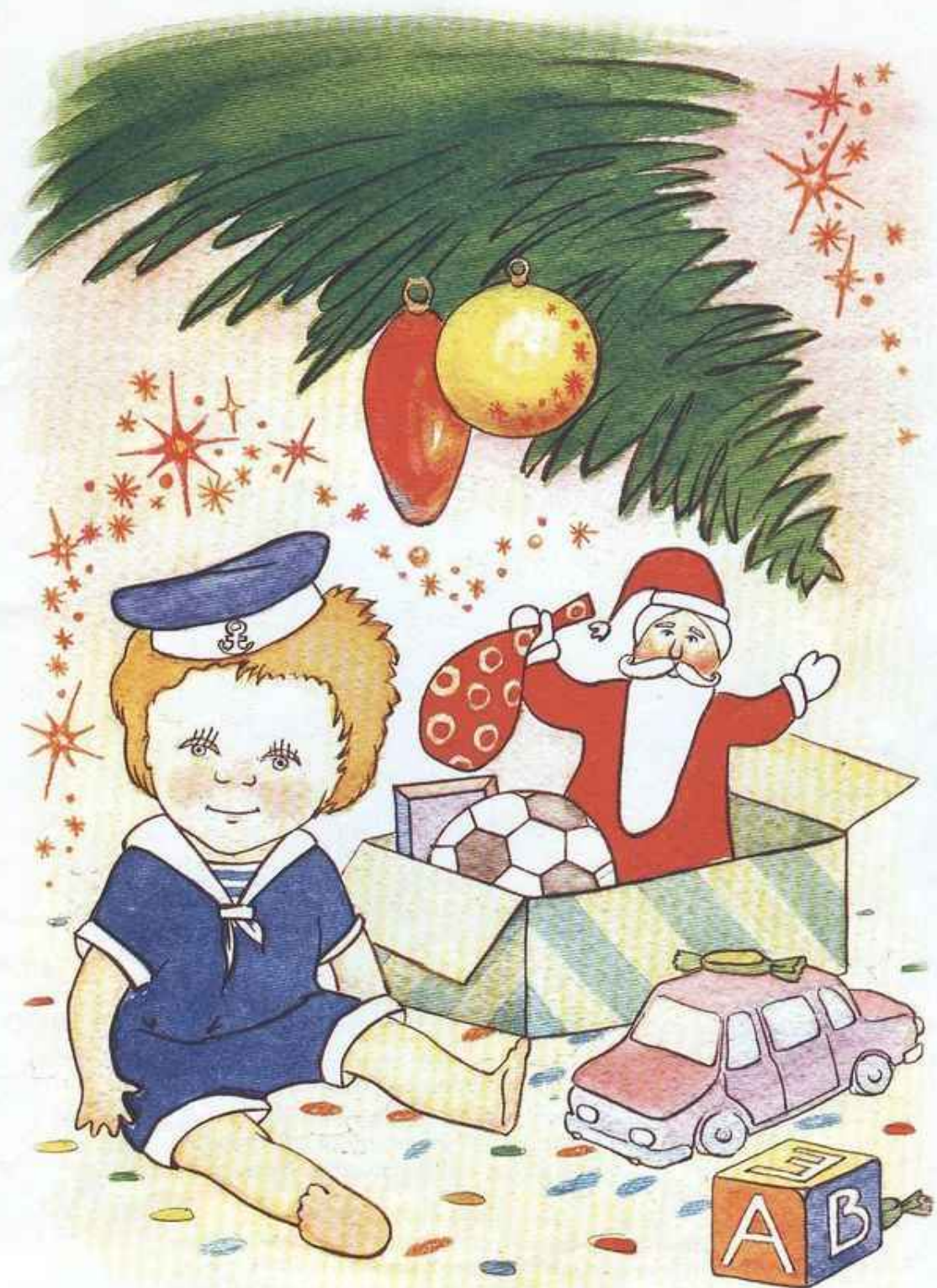
— Простим! Простим! — зашумели повеселевшие Димка и Толик.

— А ты обещаешь больше никогда так не делать?

— Да, папа, а ещё обещаю, если на это Рождество мне кто-нибудь опять конфеты подарит, я все их отдам Димке и Толику.

— Вот это будет справедливо, — согласился Виктор Тихонович.

Рождественские дни проходили замечательно. В гости приходили бабушка с дедушкой, соседи, друзья, все поздравляли и дарили детям подарки, но Паша все сласти отдавал братьям. Он выполнил своё обещание — за все дни Рождества Пашка не съел ни одной конфеты!

СОДЕРЖАНИЕ

Снежная елка	3
Николкина мечта	6
Светлый Ангел Рождества	15
Подарок Младенцу Христу	21
Лесное Рождество	28
Крылья Рождества	37
Коробка конфет к Рождеству	42

© Ольга Першина (Перри), текст, 2005
© Анна Сафронова, обложка
© Ольга Хорошавина, иллюстрации
© Приход храма Святого Духа сошествия

ISBN 5-98891-018-1

Бумага мелованная. Формат 60x84/8 П.л. 6. Тираж 5000. Заказ №

Печать офсетная. Подписано в печать 21.12.2005

Приход храма Святого Духа сошествия: 129272, Москва, ул. Советской армии, 12, стр. 1 и 2.

ИД № 03037 от 13.10.2000 г.

Серебристый колокольчик

Рождества

Он звенит, звенит до самого утра,
Слышен звон его повсюду, далеко,
Это значит снова радость —

Рождество!

Ольга Першина

